



Михаил Макин

**Курсом к
морю**

Михаил Макин
Курсом к морю

«Автор»

2026

Макин М.

Курсом к морю / М. Макин — «Автор», 2026

Максим Воеводин вырос в ставропольской степи и никогда не видел моря. Но однажды, восьмилетним мальчишкой, он увидел по телевизору парад — и белоснежная форма военных моряков навсегда зажгла в нём мечту. Мечту, которую не смогли погасить ни насмешки одноклассников, ни проваленные экзамены, ни переезды, ни первая безответная любовь. Спустя годы Максим оказывается в Севастополе, в Черноморском высшем военно-морском училище. Курс молодого бойца, присяга, бессонные ночи над учебниками, братство взвода, перевод на высшее образование, новые испытания и новая любовь — Алиса, девушка из зоомагазина, которая пока не готова ответить взаимностью, но ради которой он готов ждать. Эта книга пишется в реальном времени — глава за главой, по мере того как автор сам проходит путь от абитуриента до курсанта, а затем и офицера. И никто, включая автора, пока не знает, чем закончится эта история.

© Макин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Там за горизонтом.	5
Глава 1. Степной ветер.	7
Глава 2. SOS	13
Глава 3. Калитка в новую жизнь.	19

Михаил Макин

Курсом к морю

Пролог. Там за горизонтом.

Знаете, у каждого пацана из ставропольской глубинки есть три пути: в механизаторы, на ферму или, если повезёт, в райцентр. У нас в селе Безопасное жизнь течёт размеренно, как вода в пересыхающей летом речушке Ташла. Я, Максим Воеводин, до восьми лет был уверен, что стану трактористом, как батя, или, на худой конец, комбайнёром в уборочную.

Всё изменилось, когда я учился во втором классе. Девятое мая. Мы всей семьёй сидели у старенького телевизора «Рекорд» — отец, мать и я. Показывали Парад Победы. Красная площадь, кремлёвские звёзды, всё как полагается. Я, честно говоря, сначала клевал носом — ну танки, ну самолёты, всё как обычно.

А потом пошли они.

Морская пехота, надводники, подводники — целые коробки людей в чёрной и белой форме. Но меня пронзило, когда показали сводный полк Военно-морского флота. Они шли ровно, как по струнке, и форма у них была особая — белоснежная, с золотыми пуговицами, с чёрными брюками. А на головах — фуражки с белым верхом. Они плыли над брусчаткой, как корабли.

Я замер с куском пирога в руке.

— Мам, а это кто?

— Моряки, сынок. Военные моряки.

Моряки. Я повторял это слово, пробуя его на вкус, и оно отдавало солью. Я представил себе море, которого никогда не видел. Представил, как эти люди стоят на палубе огромного корабля, а вокруг — вода до самого горизонта. И небо. И больше ничего.

С того дня я заболел. Заболел морем. В ставропольских степях, где до ближайшего водоёма — пруд с карасями, я мечтал о Чёрном море, о Севастополе, о белой парадной форме и кортике на боку.

А ещё у меня были дедушка с бабушкой. Они жили далеко — в селе под Невинномысском, километров за сто от Безопасного. Мы ездили к ним раза два в год — на Пасху и в летний отпуск. Дед Егор был старый, сухой как жердь, с морщинистыми руками, которые пахли землёй и табаком. Бабушка Вера — маленькая, круглая, вечно в платочке и с пирогами.

Когда я впервые рассказал им о своей мечте, дед долго молчал, качал головой, а потом вдруг усмехнулся в седые усы:— В моряки, значит, внучек? В Севастополь? А что, дело хорошее. Дед твой, правда, дальше трактора не ходил, но ты — давай. Только смотри, Максимка, — он взял меня за плечо своей шершавой ладонью, — пообещай мне одну вещь.

— Какую, деда?

— Когда наденешь ту белую форму, про которую всё твердишь, — приедь к нам с бабкой. Дай хоть перед смертью поглядеть на тебя — красивого, при погонах. Хочу увидеть, что не зря ты в свою степь морскую мечту растил.

— Обещаю, деда, — сказал я тогда, и мне было легко это обещать. Я был уверен, что всё получится.

Бабушка Вера тогда всплакнула, перекрестила меня и сунула в карман конфет «Коровка».

— Береги себя, внучек. И мечту свою береги. Она тебя через всю жизнь проведёт.

Они не дожили. Оба. До моего выпускного оставалось пять лет, когда сначала ушёл дед — тихо, во сне, как будто просто уснул после долгого рабочего дня. А через полгода за ним ушла и бабушка Вера — не выдержало сердце, не смогла без своего Егора.

Я не успел. Не успел показать им белую форму. Не успел выполнить обещание. Но оно осталось во мне — занозой, якорем, который держал меня на курсе, когда хотелось всё бросить. Я помнил шершавую ладонь деда на своём плече. Помнил бабушкины слёзы и её слова: «Мечта тебя через всю жизнь проведёт».

И когда становилось совсем невмоготу, я говорил себе: «Воеводин, ты пообещал. Они, может, и не увидят, но ты-то знаешь. Не подведи».

Сейчас, когда я пишу эти строки, сидя на подоконнике в курсантской общаге, за окном — не степь и не ковыль. За окном — Севастопольская бухта, крики чаек и запах соли. И я, Максим Воеводин, выпускник сельской школы, троечник и разгильдяй, хочу рассказать, как один упрямый дурак из ставропольской глуши пытался дотянуться до белой фуражки с парада. И что из этого вышло.

Глава 1. Степной ветер.

В десятый класс я вошёл с ощущением собственной исключительности. Не потому что учился хорошо, а потому что знал, кем буду. Остальные метались: кто в юристы, кто в экономисты, кто в агрономы. А у меня на тумбочке вместо учебников лежала потрёпанная книжка «Морские узлы» и «Справочник вахтенного офицера», распечатанный на принтере в школьной библиотеке. На заставке телефона — белоснежные стены Херсонеса и памятник затопленным кораблям в Севастополе. А в нагрудном кармане, ближе к сердцу, я носил маленькую фотографию — дед Егор и бабушка Вера на фоне своего саманного дома. Чтобы помнить. Чтобы не сворачивать.

В Безопасненской школе всё было просто. Класс — одиннадцать человек, и все друг друга знали с пелёнок. Учителя — свои, родные. Галина Петровна, наша математичка, могла и за ухо потрепать, и пирожком с повидлом угостить, если контрольную хорошо написал.

— Воеводин, ты дурак или прикидываешься? — спросила она меня как-то в начале десятого класса, раздавая тетради с двойками за логарифмы. — Твоя мечта — это, конечно, красиво. Но в Черноморское высшее военно-морское училище конкурс — будь здоров. Туда со всей страны пацаны едут. А ты со своим «удовлетворительно» по алгебре. Куда ты? В матросы иди, в Новороссийск.

— В Новороссийск я не хочу, Галина Петровна, — буркнул я, глядя в парту. — Я в Севастополь хочу. В ЧВВМУ.

— Ой, Воеводин, — она всплеснула руками. — Ты хоть раз море-то видел? Не по телевизору, а вживую?

— Не видел. Но увижу. И деду обещал.

— Какому деду?

— Своему. Егору. Он не дожил, но я обещал, что приеду к нему в белой форме. Он хотел увидеть.

Галина Петровна замолчала, поправила очки и вдруг сказала совсем другим тоном:

— Тогда другое дело, Максим. Обещания, они они держат. Но математику всё равно учи. Без неё твоё обещание так обещанием и останется.

Лёха Круглов, мой друг с первого класса, сидел сзади и на этот раз не ржал. После урока он хлопнул меня по плечу:

— Воевода, я твоего деда Егора помню. Он к нам в Безопасное приезжал пару раз. Хороший мужик был. Ты это держись своей мечты. Ради него тоже.

— Я знаю, Лёх. Держусь.

Кстати, о спорте. Я с детства был парнем крепким, подвижным. В Безопасном все пацаны либо в футбол гоняли, либо в драки лезли. Я выбрал и то, и другое. В футбол я играл так, что меня в четырнадцать лет заметил тренер из районной сборной. Сначала район, потом — край. Я мотался на соревнования, забивал голы, носился по полю как угорелый. Даже в краевую сборную Ставрополя попал — ездили на турниры, занимали призовые места. Футболка с гербом края до сих пор дома висит, как память.

А ещё был бокс. Отец сказал: «Хватит кулаками во дворе махать, иди в секцию, там хоть научат, как правильно бить, и голову беречь». В райцентре, куда я ездил два раза в неделю на автобусе, была неплохая секция. Тренер, дядя Саша, бывший боксёр с перебитым носом и золотыми руками, гонял нас до седьмого пота. Я получил второй взрослый разряд по боксу. Выступал на краевых соревнованиях, пару раз даже призовые места брал. Бокс научил меня держать удар — и на ринге, и в жизни. И терпеть, когда больно. Это потом очень пригодилось.

Руслан в Тахте, когда узнал про бокс, сразу поутих. Одно дело — цепляться к новенькому, другое — к парню, который на ринге спаррингует с мужиками тяжелее себя на десятку.

А потом грянул переезд. Отца перевели на новую ферму — в другое село, Лесная Дача, что в тридцати километрах от Безопасного. Село было маленькое, дворов пятьдесят, и школы там своей не было — только начальная, до четвёртого класса. А средняя школа находилась в соседнем селе Тахта, километрах в семи от Лесной Дачи. В середине апреля, когда ставропольская степь уже вовсю зеленела и цвела, мы загрузили нехитрый скарб в отцовский «уазик» и переехали. Дом в Лесной Даче был старый, саманный, но добротный.

А через три дня я впервые перешагнул порог Тахтинской средней школы. Добираться приходилось на стареньком автобусе, который ходил два раза в день — утром и после уроков. Если опоздаешь — всё, пешком семь километров по степи. В первый же день я чуть не опоздал, потому что автобус заглох на полпути, и водитель, дядя Коля, полчаса ковырялся в моторе, матерясь сквозь зубы.

— Ничего, пацан, привыкай, — сказал он мне, когда мотор наконец завёлся. — У нас тут такая дорога — то пыль, то грязь. Осенью вообще не проехать. Будешь на попутках добираться или пешком.

Школа в Тахте была больше Безопасненской — целых тридцать учеников в параллели. Для меня, привыкшего к одиннадцати, это была толпа. Директор, сухой мужчина в мятом пиджаке и с вечно усталыми глазами, провёл меня в класс и представил:

— Ребята, это Воеводин Максим. Перевёлся к нам из Безопасного. Теперь живёт в Лесной Даче. Прошу любить и жаловать.

Тридцать пар глаз уставились на меня. Я стоял у доски, переминаясь с ноги на ногу, и чувствовал себя подопытным кроликом. За окном шумел степной ветер, принося запах полыни и пыли.

— Садись, Воеводин, вон туда, к окну, — учительница махнула рукой.

Я прошёл между рядами, ловя на себе изучающие взгляды. Кто-то шептался, кто-то хмылялся. Сел за последнюю парту, достал тетрадь и уставился в окно. За окном была бескрайняя ставропольская степь — ковыль, редкие лесополосы и небо. Много неба. Никакого моря.

На первой же перемене ко мне подошли трое. Впереди — крепкий парень с обветренным лицом и руками, знавшими не только школьную ручку, но и вилы, и штурвал трактора. Руслан, как я позже узнал. Местный заводила.

— Слышь, новенький, — он опёрлся руками о мою парту, — ты чё, из Безопасного? Там, говорят, одни сектанты живут.

— Нормально там живут, — спокойно ответил я. — Как и у вас. Люди.

— О, гляди, с гонором, — хмыкнул Руслан. — А чё это у тебя на тетради? Кораблики нарисованы? — он выхватил мою тетрадь, пока я не успел среагировать.

— Гляньте, пацаны, он у нас моряк! В степи моряк! По коридору прокатился смех.

— Отдай, — я встал.

— А то что? — Руслан набычился. — Ты чё, реально в моряки собрался? В Севастополь? Ты ж степной, как и мы. Ты море-то хоть раз видел?

— Не видел. Но увижу. Я деду обещал.

— Какому ещё деду? — Руслан нахмурился. — Своему. Он умер. Но перед смертью попросил приехать к нему в белой морской форме. Я обещал.

В коридоре стало тихо. Руслан посмотрел на меня как-то по-другому. А потом один из его приятелей толкнул его в бок:

— Рус, это ж Воеводин. Боксёр. Второй разряд. И за край по футболу играл. Руслан перевёл взгляд с приятеля на меня, потом обратно. Хмыкнул, швырнул тетрадь на парту.

— Ладно, живи пока. Боксёр, значит. И футболист. И моряк. Универсальный ты парень, Воевода. Обещания — это серьёзно. Но смотри, у нас тут свои порядки. Степные. Не морские. На футбол погоняем — посмотрим, чего стоишь.

Они ушли, а я остался сидеть, прижимая к себе тетрадь с кораблями. Первый день в Тахтинской школе. Добро пожаловать в степь.

Влиться в коллектив было тяжело. В Безопасном все знали: Воеводин — упёртый, но свой. Здесь я был чужаком. Да ещё и приедем — из Лесной Дачи, а это значило, что каждое утро и каждый вечер я тряса в автобусе, пока остальные шли домой пешком за пять минут. Первые недели я ходил как в воду опущенный. На уроках молчал, на переменах стоял у окна, делая вид, что мне всё равно. Степной ветер гудел в оконных рамах, напоминая, как я далеко от моря.

Руслан со своей компанией поначалу всё равно подкалывал:

— Воевода, ты когда в море своё уплывёшь? А то у нас посевная скоро, помочь некому!

— Воевода, а ты плавать-то умеешь? В Ташле не утонешь?

— Воевода, ты хоть знаешь, где то море? Тысячу километров пилить!

Я терпел. Стиснув зубы. Бокс научил меня не реагировать на провокации — держать удар и ждать своего момента. На футбольном поле, когда мы играли за школу, я показал, чего стою: три гола в первом же матче против соседнего села. После игры Руслан сам подошёл, хлопнул по плечу:

— А ты ничего, Воевода. Бегаешь как лось. И бьёшь хорошо. В нашу сборную вступишь.

Так, через спорт, я начал находить общий язык. Боксёрская выдержка и футбольная скорость сделали своё дело. К концу десятого класса страсти улеглись. Руслан привык ко мне, я — к нему. Даже пару раз вместе на рыбалку на Ташлу ходили. Оказалось, парень он не злой, просто жизнь в степи научила его: либо ты сверху, либо тебя затопчут.

А потом в моей жизни появилась Катя. Катя Снегирёва.

Она сидела через парту от меня, у окна. Светлые волосы, всегда собранные в небрежный пучок, из которого вечно выбивались прядки. Серые глаза, чуть вздёрнутый нос в веснушках. И смех — звонкий, как степной жаворонок. Она первая со мной заговорила по-человечески. Недели через три после моего появления. На литературе мы проходили «Войну и мир», и учительница, Марья Ивановна, вызвала меня к доске. Я, честно говоря, роман не читал, только краткое содержание в интернете глянул, пока связь ловила.

— Воеводин, что вы можете сказать об образе Андрея Болконского? — спросила Марья Ивановна, поправляя очки.

Я мялся, что-то мычал про небо Аустерлица, путаясь в деталях. Класс начал похихикивать. И тут с места подала голос Катя:

— Марья Ивановна, а можно я дополню? Андрей Болконский — это же человек, который ищет свой путь, свою славу. Ему тесно в привычном мире. Как как некоторым у нас в классе, — она чуть улыбнулась и посмотрела на меня.

Класс затих. Учительница кивнула, и Катя спасла меня, развернув такую характеристику персонажа, что Марья Ивановна даже поставила мне тройку из уважения к её красноречию.

После урока я догнал её в коридоре. В коридоре пахло хлоркой, пирожками из столовой и степной пылью, залетающей в открытые окна.

— Спасибо. Выручила.

— Не за что, — она пожала плечами. — Просто вижу, что ты не такой, как все. Ты целеустремлённый, да? Мне из Безопасного рассказывали, что ты в моряки собрался. В Севастополь. И что боксом занимаешься, и за край по футболу играл. Универсальный парень.

— Собрался, — кивнул я, чувствуя, как краснею. — А ты откуда знаешь?

— У нас родня в Безопасном, — улыбнулась она. — Слушай, это круто. Правда. Не слушай Руслана и остальных. Если мечтаешь — иди к своей мечте.

— Я деду обещал, — сказал я вдруг, сам не зная зачем. — Он хотел увидеть меня в белой морской форме. Не дожил. Но я обещал.

Катя посмотрела на меня долгим взглядом, и в её серых глазах что-то дрогнуло.

— Тогда тебе точно нельзя сворачивать, Максим. Обещания, они они святые.

И всё. Меня накрыло. Вот так, с одного разговора в школьном коридоре, продуваемом степным ветром. Мы стали общаться. Сначала на переменах, потом — после уроков. Я ждал её у школы, и мы шли по пыльной улице Тахты. Ей до дома было минут пятнадцать пешком, мне потом — бежать на автобус до Лесной Дачи. Но я был готов бежать, лишь бы провести с ней лишние десять минут.

— Расскажи ещё про море, — просила она. — Ты его хоть раз видел?

— Нет, — честно признавался я. — Только по телевизору. Второй класс, парад. Они шли в белой форме Я как увидел — всё, пропал. И деду сразу рассказал. Он тогда и взял с меня обещание.

— Твой дед, наверное, хорошим человеком был.

— Хорошим, — кивал я. — Он в меня верил. Даже когда никто не верил. Говорил: «Спортсмен ты, Максимка, упорный. Раз в боксе держишься и в футболе бегаешь — значит, и в жизни пробьёшься».

— Ты смешной, Воеводин, — улыбалась она. — Но мне это нравится. Ты веришь в то, чего никогда не видел. И память о деде хранишь. Это редкость.

Я млел от её смеха. От того, как она поправляет выбившуюся прядку, как щурится на степное солнце.

Однажды, в начале одиннадцатого класса, я решил. Мы сидели на старой скамейке у её дома, под раскидистой акацией. Ветер приносил запах полыни и нагретой земли.

— Кать, — начал я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. — Я ты мне очень нравишься. Может, сходим куда-нибудь? В кино, в райцентр?

Она посмотрела на меня долгим взглядом, потом вздохнула и мягко улыбнулась:

— Максим, ты хороший. Правда. И спортсмен, и мечтатель, и деда своего помнишь. Но моё сердце оно пока занято. Есть один человек. Мы с ним давно знакомы, ещё с детства. Он сейчас в армии. Я не могу тебе ничего обещать. Ты мне интересен, правда, но как пара мы не будем. Прости.

Я кивнул, стараясь не показывать, как внутри всё оборвалось. — Я понял. Ладно.

— Ты не обижайся, — она тронула меня за руку. — Давай останемся друзьями?

— Давай, — соврал я. Какие, к чёрту, друзья, когда ты готов на всё ради одного её взгляда?

Одиннадцатый класс превратился для меня в пытку. Я видел Катю каждый день. Она сидела через парту, улыбалась, иногда просила списать домашку по физике. А я я таял и ничего не мог с собой поделать. Надеялся. Вдруг тот «человек из детства» не вернётся? Вдруг она передумает? Вместо того чтобы готовиться к экзаменам, я писал ей стихи в потрёпанный блокнот. Вместо того чтобы решать задачи, придумывал, как бы снова оказаться с ней рядом после уроков. Учебники пылились на полке, а я всё чаще пропадал с папанами на футбольном поле или гонял на мотоцикле по степным просёлкам. Вечерами мы собирались у клуба, слушали музыку из чьей-нибудь машины, травили байки.

— Воеводин, ты вообще о чём думаешь? — спросила меня Валентина Сергеевна, наша математичка в Тахте, когда я в очередной раз завалил самостоятельную. — У тебя глаза стеклянные. Ты на уроке или где?

— На уроке, Валентина Сергеевна, — пробормотал я, косясь в сторону Кати.

— На уроке он, — передразнила она. — А знания где? Ты профильную математику сдавать собрался, между прочим. С таким подходом даже порог не перешагнёшь. Дед твой, думаешь, за тебя экзамен сдаст? Или боксёрский разряд поможет интегралы решать?

Я вздрогнул. Она знала про деда. Видимо, Галина Петровна из Безопасного рассказала. — Нет, Валентина Сергеевна. Не сдаст. — Вот именно. Так что берись за ум. Обещания выполняют делами, а не мечтами. На ринге ты держишь удар, а здесь — держи учёбу.

Я кивал, соглашался, а сам думал только о том, как бы снова оказаться рядом с Катей. На переменах мы часто стояли у подоконника в коридоре. Она рассказывала о своих планах — поступать в педагогический в Ставрополе, стать учителем начальных классов. Я слушал, кивал и думал: «Скажи только слово, и я всё брошу. Останусь здесь, в степи, буду механизатором, только будь со мной». Но она слова не говорила. Только улыбалась своей мягкой улыбкой и иногда поправляла мне воротник, если он загибался.

— Воеводин, ты как ребёнок, — смеялась она. — Вечно у тебя всё наперекосяк.

Руслан, наблюдая за всем этим, как-то хлопнул меня по плечу в раздевалке:

— Слышь, Воевода, забей ты на неё. Она с Игнатом из Кочубеевского с детства. Он в армии сейчас, в ВДВ, вернётся — поженятся. Не трать нервы.

— Отстань, Руслан.

— Ну как знаешь. Только смотри, из-за бабы мечту свою не просри. Степь она таких не прощает. А дед твой — он бы не понял. И бокс твой тут не поможет. Я отмахнулся. Но где-то глубоко внутри понимал: он прав. И от этого было ещё горше. Дед бы правда не понял. Дед верил в меня.

Выпускной.

Последний звонок отгремел, экзамены были позади (о них позже). Мы, нарядные, с лентами «Выпускник» через плечо, собрались в школьном актовом зале. Играла музыка, учителя говорили напутственные речи, родители вытирали слёзы. За окнами шумел тёплый июньский ветер, пахло степным разнотравьем. А я искал глазами Катю. Она стояла у окна в белом платье, с распущенными волосами, и казалась мне самой красивой девушкой на свете. Я набрался смелости. Подошёл. В руке — маленький букетик полевых ромашек, нарванных утром за околицей Лесной Дачи.

— Кать, можно тебя на минутку?

Она обернулась, улыбнулась:

— Конечно, Максим. Мы вышли в пустой коридор. Здесь пахло всё той же хлоркой и пирожками, но теперь к этому примешивался запах духов и цветов. — Кать, — я протянул ей ромашки. — Я знаю, ты говорила, что твоё сердце занято. Но я всё равно хочу сказать. Ты ты самая лучшая. Я всё это время только о тебе и думал. Я понимаю, что поступаю глупо, но может, всё-таки дашь мне шанс? Я уезжаю в Севастополь. Но я могу остаться. Если ты скажешь.

Она взяла цветы, опустила глаза. Молчала долго, целую вечность. Потом подняла взгляд:

— Максим, ты удивительный. Правда. И я очень ценю всё, что ты говоришь. Но я пока не готова. Понимаешь? В моей жизни сейчас всё слишком сложно. Я не могу тебе ничего обещать. Я не хочу давать тебе ложную надежду.

— Я подожду, — вырвалось у меня.

— Не надо ждать, — она покачала головой. — Живи своей жизнью. Езжай в свой Севастополь. Становись офицером. Носи свою белую форму, о которой мечтал с восьми лет. И деду своему обещание выполни. Он бы хотел, чтобы ты шёл до конца.

Она шагнула ко мне, привстала на цыпочки и поцеловала в щёку. Легко, почти невесомо.

— Прощай, Максим Воеводин. Удачи тебе. И пусть твоё море тебя примет. А дед твой он и так всё видит. И гордится.

И ушла обратно в зал, оставив меня одного в пустом коридоре, продуваемом степным сквозняком. Я стоял и смотрел ей вслед, а в нагрудном кармане, у самого сердца, лежала фотография деда Егора и бабушки Веры. «Они и так всё видят. И гордятся». Катя была права. Надо идти до конца. Ради них. Ради обещания.

Глава 2. SOS

Глава 2. SOS

А теперь — к экзаменам. Потому что именно они стали той самой пробоиной в моём корабле, которая чуть не пустила его ко дну.

Профильную математику я сдавал в райцентре, куда съезжались все окрестные школы. В аудитории было душно, пахло мелом и чьим-то резким парфюмом. Я сел за парту, разложил ручки, посмотрел на задания. И понял, что ничего не понимаю. Голова была занята не формулами, а вчерашним разговором с Катей. Мы снова шли после школы по пыльной Тахте, и она рассказывала о своей младшей сестре, а я смотрел на её профиль и думал, что готов отдать всё, лишь бы она была рядом.

Результат: 27 баллов. Порог не пройден.

— Ну что, Воеводин? — Валентина Сергеевна смотрела на меня поверх очков, когда я пришёл узнавать результаты. — Я же тебя предупреждала. Ты вообще к экзамену готовился?

— Готовился, — соврал я.

— Врёшь, — отрезала она. — У тебя в глазах — любовная лирика, а не математика. Готовься к пересдаче. И возьми за ум, Максим. Второго шанса может не быть. Дед твой за тебя экзамены не сдаст, сколько бы ты о нём ни думал. И боксёрский разряд тут не поможет.

Я взялся. Нет, правда, пытался. Неделю сидел над учебниками в доме в Лесной Даче, под шум степного ветра. Решал варианты, даже к репетитору в райцентр съездил пару раз на попутке. Но на пересдаче снова провал. Переволновался. Руки тряслись, цифры прыгали перед глазами. Снова незачёт.

В тот вечер я сам позвонил в приёмную комиссию Черноморского высшего военно-морского училища. Набирал номер дрожащими пальцами, стоя на крыльце, глядя, как садится солнце над бескрайней ставропольской степью.

— Здравствуйте... это абитуриент Воеводин Максим... я... я не сдал профильную математику. Два раза. Не приеду.

— Жаль, — сухо ответил мужской голос с южным, немного певучим говором. — Всего доброго. Снимаем с конкурса. Зря вы так, молодой человек.

Всё. Точка. Я положил трубку и застыл. В нагрудном кармане лежала фотография. Я достал её, посмотрел на деда и бабушку. Дед Егор смотрел на меня с этого пожелтевшего снимка — строго, но с хитринкой. «Обещал — держи». Я заплакал. Первый раз в жизни так горько. Стоял на крыльце, смотрел на закат над степью, прижимал к груди фотографию и ревел, как пацан. Солнце садилось за горизонт, окрашивая ковыль в красное, а я думал, что предал их. Предал деда. Предал бабушку. Предал обещание.

Отец вышел на крыльцо, сел рядом на ступеньку, закурил. Увидел фотографию в моих руках, вздохнул.

— Ну что, Макс. Бывает. Пойдёшь в наш сельхозтехникум в райцентре. Механиком станешь. На земле тоже жить можно. Степь — она тоже кормит. Дед Егор трактористом был, ничего, прожил жизнь.

— Я не хочу в степь, пап... — прошептал я. — Я в море хочу. Я его даже не видел ни разу. А уже люблю. И деду обещал. Понимаешь? Я ему обещал, что приеду в белой форме. А теперь что? Я не приеду. Никогда.

Отец долго молчал, глядя на догорающий закат. Потом сказал тихо:

— Сынок, обещания — они по-разному выполняются. Дед Егор, он... он не форму ждал увидеть. Он ждал увидеть тебя — счастливого, на своём пути. А форма — это так, железки и тряпки. Главное — путь. Ты свой путь ещё не прошёл. Рано сдаваться. Ты же боксёр — держи удар. И футболист — беги до конца.

На третью пересдачу я шёл как на казнь. Но в школе мне посоветовали: «Максим, не мучай ты себя профилем. Иди на базовую математику. Аттестат получишь, а там хоть в техникум, хоть куда. В военное с базой всё равно не возьмут, но хоть документ об образовании будет».

Я сдавал базу с холодной головой. Мне уже нечего было терять. Решил все задания спокойно, без мандража, даже проверил пару раз. Результат пришёл через несколько дней: «5» — высший балл, идеально решённая работа. Горькая ирония: я доказал, что мозги у меня есть, но дверь в училище, требующее профиль, была уже закрыта.

Прошла неделя. Аттестат с тройками и одной пятёркой по базовой математике лежал на полке в моей комнате. Я помогал отцу чинить забор вокруг дома в Лесной Даче, смиряясь с мыслью о запахе солярки в мастерской. И вдруг звонок. Телефон завибрировал в кармане. Номер незнакомый, код Севастополя.

— Аллю?

— Воеводин Максим Витальевич? — голос мужской, с хрипотцой, командный. — Это капитан первого ранга Трофимов, начальник учебного отдела ЧВВМУ.

— Я... да, это я... — сердце ухнуло в пятки и тут же подпрыгнуло к горлу. Я отошёл от забора, чувствуя, как дрожат колени.

— Ты чего сопли на кулак мотаешь? Заявление забрал? Звоню тебе из отпуска, между прочим. В Севастополе сейчас жара, а я с твоим личным делом вожусь. Смотрел твою папку. Спортсмен: бокс, второй разряд. В футбол за краевую сборную играл, призовые места. Характеристика из Безопасного хорошая, медкомиссию прошёл без замечаний. Только профиль завалил. А базу на пять сдал.

— Так точно, товарищ капитан первого ранга. На пять. Но профиль не смог.

— Знаю. Видел. Ты смотришь в сторону моря или в сторону ковыля?

— В сторону моря, товарищ капитан первого ранга, — выдохнул я. — С восьми лет смотрю. Я деду обещал.

В трубке повисла пауза.

— Деду? — переспросил Трофимов уже другим, более мягким тоном.

— Да. Он перед смертью просил приехать в белой морской форме. Я обещал. Он не дожид до моего выпускного. Но я обещал.

Ещё одна пауза. Долгая. Я слышал, как на том конце провода вздохнули.

— Воеводин, ты вот что... Приезжай. Завтра к 14:00 быть у меня в кабинете с документами, аттестатом и вещами. В Севастополе. Успеешь?

— Успею! — заорал я, не веря своим ушам. — А как же математика? Профиль же нужен!

— Нужен. Но начальник училища имеет право на зачисление отдельных кандидатов в виде исключения. Ты это исключение. База у тебя идеальная, упёртости — на троих хватит, спортсмен, боец, и обещание деду — это, брат, серьёзный аргумент. Такие обещания надо выполнять. Даю шанс, Воеводин. Один. Не подведи. И деда своего не подведи. Жду. Отбой.

Гудки. Я стоял с молотком в одной руке и телефоном в другой, не веря в реальность происходящего. Степной ветер трепал волосы, а в ушах звучало: «В Севастополь. Завтра». Я достал из нагрудного кармана фотографию, посмотрел на деда и бабушку.

— Я еду, деда. Слышишь? Я еду. Я выполню обещание.

Дорога в Севастополь

Сборы были как в тумане. Я носился по дому, хватал вещи, что-то ронял, снова поднимал. Мать суетилась на кухне, собирая в дорогу еду: варёные яйца, жареную курицу, бутерброды с салом, термос с чаем, банку солёных огурцов.

— Максимушка, ты там не простудись. И ешь хорошо. Там, говорят, город большой, всё дорого. Я тебе денег в носок зашила, на всякий случай. И платок шерстяной положила — вдруг с моря ветер холодный.

— Мам, там юг. Там тепло.

— Ничего не знаю. Шерсть — она всегда греет. И носки тёплые положила. И мазь от простуды.

Отец молча вынес мой старый чемодан, проверил документы — паспорт, аттестат, медицинскую карту, приписное свидетельство. Всё аккуратно уложил в папку.

— Не потеряй, сынок. Это твой пропуск в новую жизнь.

Я подошёл к старому комоду, где лежали семейные фотографии. Взял снимок деда Егора и бабушки Веры — тот самый, что всегда носил в нагрудном кармане. Перекрестился, глядя на них, и аккуратно убрал фотографию обратно в карман. Ближе к сердцу.

Выехали мы рано утром, затемно. Отцовский старенький «уазик» тарахтел на всю округу, разгоняя сонных кур с дороги. Я сидел на заднем сиденье, прижимая к себе рюкзак, и смотрел в окно.

Сначала потянулись знакомые с детства пейзажи. Лесная Дача с её саманными домами и палисадниками. Дорога на Тахту — та самая, по которой я трясся в автобусе два года. Вот поворот на школу. Я провожал его взглядом, пока он не скрылся за лесополосой.

— Не грусти, сынок, — отец поймал мой взгляд в зеркале заднего вида. — Всё правильно делаешь. Бабы приходят и уходят, а мечта — она на всю жизнь. Дед Егор тобой гордился бы.

— Я знаю, пап.

Потом — Тахта. Дом Кати с синими ставнями. Я смотрел на него и чувствовал, как что-то сжимается в груди. Но дорога уводила дальше.

Дальше — Безопасное. Родная школа, где всё начиналось. Дом, где я смотрел тот самый парад. Речка Ташла, блеснувшая серебром в лучах восходящего солнца. Футбольное поле, где я гонял мяч с пацанами. Старый спортзал в райцентре, где дядя Саша учил меня держать удар. Я прилип к окну, впитывая каждую деталь.

Здесь я вырос. Здесь я заболел морем. Здесь я впервые рассказал деду о своей мечте. А теперь уезжаю к ней.

За Безопасным началась трасса. Ставропольская степь расстилалась вокруг — бескрайняя, золотая от ковыля, с редкими островками лесополос. Ветер гнал по дороге перекасти-поле. Я смотрел на эту красоту и думал, что, наверное, буду скучать. Но море звало сильнее. И обещание, данное деду, вело вперёд.

Мы ехали весь день. Я то дремал, то смотрел в окно, то перебирал в голове всё, что произошло. Выпускной, Катя, проваленные экзамены, неожиданный звонок. Всё смешалось в какой-то безумный коктейль.

— Пап, а долго ещё?

— Часов десять, сынок. Ты поспи пока.

Я пытался спать, но не мог. Слишком много мыслей. Вспоминал, как дед смотрел по телевизору мои футбольные матчи, когда их показывали по краевому каналу. Как гордился моим боксёрским разрядом. «Спорт, Максимка, — говорил он, — это характер. А характер в жизни — главное оружие».

К вечеру пейзаж начал меняться. Степь стала уступать место холмам, потом — предгорьям. Горы на горизонте казались чем-то нереальным после плоской ставропольской равнины. А потом — Крымский мост.

Отец сбросил скорость, и мы въехали на мост. Я прилип к окну. Слева и справа — вода. Бескрайняя, сверкающая в лучах закатного солнца. Чайки кружили над волнами. Я опустил стекло и вдохнул полной грудью.

Вот он. Этот запах. Солёный, йодистый, ни на что не похожий. Запах моря. Запах, о котором я мечтал с восьми лет, сидя в пыльной ставропольской степи перед телевизором.

— Ну что, Максим, — отец улыбнулся, глядя на меня в зеркало. — Добрались до твоей мечты?

— Добрались, пап, — прошептал я, не в силах оторвать взгляд от воды. — Добрались. Слышишь, деда? Я доехал.

Севастополь встретил нас белыми домами, утопающими в зелени, узкими улочками, бегущими вверх и вниз, и особенным, южным ритмом жизни. Мы проехали мимо памятника затопленным кораблям — того самого, что был на заставке моего телефона. Я смотрел на него вживую и не верил своим глазам.

Отец припарковался недалеко от ворот училища. Мы вышли из машины. Мать сразу начала меня обнимать, поправлять воротник, что-то приговаривать сквозь слёзы.

— Ну, сынок, — отец крепко пожал мне руку и вдруг притянул к себе, обнял. — Не посрами фамилию. И запомни: корабль красят, когда он в доке стоит. А плавать надо уметь. Севастополь — город русских моряков. Докажи, что ты свой. Докажи, что не зря дед в тебя верил.

— Докажу, пап.

Я взял чемодан, поправил рюкзак и повернулся к массивным воротам училища. За ними — плац, белые корпуса, строевые площадки. И море. Где-то там, за зданиями, оно ждало меня. То самое море, которое я впервые увидел в восемь лет на экране старого телевизора.

— Всё, идите, — я махнул родителям. — Я справлюсь.

Мать всхлипнула, отец кивнул, и они сели в «уазик». Машина развернулась и медленно поехала прочь, удаляясь от меня вместе с прежней жизнью. Со степью. С Тахтой. С Катей. С футбольным полем и боксёрским рингом.

Я вдохнул солёный воздух Севастополя, поправил воротник и шагнул к КПП. В нагрудном кармане, у самого сердца, лежала фотография деда Егора и бабушки Веры.

— Фамилия? — спросил дежурный матрос.

— Воеводин. Максим Воеводин. Из Ставропольского края.

— Из степи, значит. Боксёр, футболист, моряк. Универсальный боец. Проходи, степняк. Там тебя уже ждут.

Я шагнул через порог. Сзади лязгнула калитка. Начиналась новая жизнь. Вернее, начиналась борьба за право жить этой жизнью. За право носить белую форму, которую я впервые увидел в восемь лет. За право выполнить обещание, данное деду.

Глава 3. Калитка в новую жизнь.

Глава 3. Калитка в новую жизнь

Железная калитка лязгнула за спиной, отрезая меня от прошлой жизни. От степи, от Тахты, от Кати, от футбольного поля и боксёрского ринга. Впереди был плац — огромный, вымощенный бетонными плитами, с идеально ровными белыми линиями разметки. Вдалеке виднелись белые корпуса с колоннами, строевые площадки, флагшток с Андреевским флагом, который лениво колыхался на ветру. И запах. Запах моря, смешанный с запахом казармы — гуталина, хлорки и казённого мыла.

Я стоял с чемоданом в руке, озираясь по сторонам, как деревенский телёнок, попавший на асфальт. Всё было чужим, огромным, пугающим. Но в то же время — родным. Потому что это был Севастополь. Это было ЧВВМУ. Это была моя мечта.

— Чего встал, абитуриент? — окликнул меня дежурный матрос, тот самый, что пропустил через КПП. — Приёмная комиссия в главном корпусе, прямо по плацу и налево. Давай, не задерживай, у вас там очередь.

Я кивнул, подхватил чемодан и зашагал через плац. Плиты были выщербленные, кое-где пробивалась трава. Ветер с бухты трепал волосы, принося запах соли и водорослей. Я вдыхал его полной грудью и не мог надышаться. Вот он. Тот самый запах, о котором я мечтал в ставропольской степи. Запах моря.

Главный корпус встретил меня прохладой и гулом голосов. В коридоре толпились парни — кто с родителями, кто один, как я. Все с чемоданами, рюкзаками, встревоженными лицами. Кто-то громко смеялся, кто-то нервно курил у окна, кто-то повторял документы. Я нашёл дверь с табличкой «Приёмная комиссия» и шагнул внутрь.

За столом сидела женщина в военной форме — строгая, с пучком на затылке и усталыми глазами. Перед ней лежали стопки бумаг, папки, бланки. Она подняла на меня взгляд поверх очков:

— Фамилия?

— Воеводин. Максим Воеводин.

— Воеводин... — она провела пальцем по списку. — А, из Ставрополя. Боксёр, футболист. Слышала о тебе. Трофимов тобой интересовался. Держи.

Она протянула мне два бланка. Один — заявление о поступлении. Второй — выбор специальности.

— Заполняй аккуратно, без помарок. Паспортные данные, образование, спортивные разряды — всё как положено. На втором бланке выбери специальность. У нас их несколько. И уровень образования — высшее, специалитет, пять лет.

Я взял бланки, отошёл к свободному столу у окна. Руки дрожали. Заполнил заявление — фамилия, имя, отчество, дата рождения, адрес. В графе «спортивные достижения» вывел: «Бокс, второй взрослый разряд. Футбол, игрок краевой сборной Ставропольского края». Потом взял бланк выбора специальности.

Пробежал глазами по списку высшего образования. Штурманская, минно-торпедная, связь... И вдруг взгляд зацепился за строчку: «Применение и эксплуатация ракетного вооружения надводных кораблей».

Надводный ракетчик.

Я замер. Вот оно. Ракетное оружие. Мощь. Огонь. Ударная сила флота. Не просто ходить по морю — а управлять оружием, которое способно поразить цель за сотни километров. Надводные корабли, эсминцы, крейсера, фрегаты. Ракетные комплексы «Калибр», «Оникс», «Циркон». Я читал о них всё, что находил в интернете, пока связь в Лесной Даче ловила. Мечтал. Представлял, как стою на боевом посту и отдаю команду на пуск.

Надводный ракетчик. Это была моя специальность. Та самая. Я уже потянулся ручкой к графе, чтобы обвести кружок, как вдруг взгляд упал на другую строчку — «Уровень образования». Вышее. А у меня в аттестате — базовая математика на пятёрку, но не профиль. Профиль я завалил. Дважды. Для высшего образования нужен профиль.

Ручка зависла в воздухе. Сердце заколотилось где-то в горле. Чёрт. Чёрт. Чёрт. Как я мог забыть? Я же знал, что в военное училище без профильной математики не берут на высшее. Знал, но надеялся на чудо. А чудес, как говорила Валентина Сергеевна, не бывает.

Я отложил бланк и быстрым шагом вышел в коридор. Мне нужен был капитан первого ранга Трофимов. Начальник учебного отдела. Тот самый, что позвонил мне и сказал: «Приезжай, на месте разберёмся».

Кабинет начальника учебного отдела я нашёл на втором этаже. Табличка, обитая дерматином дверь. Я постучал.

— Войдите!

Я шагнул внутрь. Кабинет был небольшой, заставленный шкафами с папками. За столом сидел мужчина лет пятидесяти, с седыми висками, в кителе с погонами капитана первого ранга. Лицо обветренное, взгляд цепкий, с прищуром. На столе — фотография крейсера в рамке, стакан с чаем в подстаканнике, папки с личными делами.

— Товарищ капитан первого ранга, абитуриент Воеводин прибыл.

Трофимов поднял на меня глаза, усмехнулся:

— Прибыл, значит. Ну, здорово, Воеводин. Садись.

Я сел на стул напротив, чувствуя, как дрожат колени. Трофимов отхлебнул чаю, посмотрел на меня внимательно.

— Докладывай. Чего пришёл? Бланки заполнил?

— Так точно, товарищ капитан первого ранга. Почти. Заявление заполнил, специальность выбрал — надводный ракетчик. Но... — я замялся, — у меня проблема.

— Проблема у него, — хмыкнул Трофимов. — Ну, выкладывай.

— У меня математика только базовая. На пятёрку, но базовая. Профиль я завалил. Два раза. А для высшего образования нужен профиль. Я в бланке графу «уровень образования» не могу заполнить. Там только высшее. А я хочу на ракетчика. Очень хочу.

Трофимов отставил стакан, откинулся на спинку стула и посмотрел на меня долгим взглядом. Молчал. Я сидел, не дыша. Потом он вдруг улыбнулся:

— Надводный ракетчик, значит? Хороший выбор, Воеводин. Ударная сила флота. Но ты прав — без профильной математики на высшее не возьмут. А жаль. Упёртый ты парень, из тебя бы толк вышел.

Он взял со стола какую-то папку, полистал.

— Но ты не расстраивайся раньше времени. У нас в училище, Воеводин, есть не только высшее образование. Есть программа среднего профессионального образования. СПО. И там тоже есть специальность ракетного профиля. «Эксплуатация и ремонт ракетного вооружения надводных кораблей». Техник-ракетчик. Учёба — два года десять месяцев. После выпуска — мичман, служба на кораблях, работа с теми же «Калибрами» и «Ониксами». Белая форма, кортик, всё как положено. И для СПО твоей базы хватит. Аттестат у тебя есть, баллы проходные ты набираешь. Спортсмен, боец, характеристика хорошая. Так что выбор за тобой.

Он замолчал, давая мне переварить. Я сидел, переваривал. Среднее профессиональное. Не высшее. Не офицер. Мичман. Техник-ракетчик. Но — ракетное оружие. Надводные корабли. Те же комплексы, те же пуски, та же мощь. И белая форма. И кортик. И обещание деду — «приеду в белой морской форме». Дед не говорил «офицером». Дед говорил «в белой форме».

— А работать с ракетами дадут? — спросил я, и тут же почувствовал, как глупо это звучит.

Трофимов расхохотался:

— Дадут, Воеводин. Техник-ракетчик — это руки и глаза ракетного комплекса. Без техников офицеры — ноль без палочки. Будешь обслуживать, готовить к пуску, отвечать за техническое состояние. Всё будет. И форма белая, и кортик, и море, и ракеты. Даю слово.

Он протянул мне другой бланк — выбор специальности для СПО.

— Держи. Смотри внимательно. Там есть «Эксплуатация и ремонт ракетного вооружения надводных кораблей». Вписывай свою фамилию. И бегом в приёмную комиссию, сдавай документы. У тебя впереди июль — комиссии, отборы, физподготовка. Посмотрим, чего ты стоишь, боксёр-футболист.

Я взял бланк. Пробежал глазами по списку специальностей СПО. И нашёл её. «Эксплуатация и ремонт ракетного вооружения надводных кораблей». Ракетчик. Техник-ракетчик. Руки дрожали, но уже не от страха — от радости. Я вписал свою фамилию в графу напротив этой специальности. Поставил подпись.

— Спасибо, товарищ капитан первого ранга.

— Не за что, Воеводин. Служи. Ракетчики флоту нужны. Особенно такие упёртые, как ты. И деда своего не подведи. Свободен.

Я вышел из кабинета, прижимая к груди заполненный бланк. В коридоре всё так же гудели абитуриенты, кто-то смеялся, кто-то нервно курил. А я стоял и улыбался, как дурак. У меня был шанс. Настоящий шанс стать ракетчиком.

Через час, после того как я сдал все документы в приёмную комиссию, меня отвели в казарму. Это было длинное двухэтажное здание с облупившейся штукатуркой, но внутри — чисто, светло, пахнет всё той же хлоркой и армейским мылом.

По коридору сновали парни в гражданском, кто-то уже успел переодеться в казённые спортивные костюмы.

— Воеводин, твой кубрик — двадцать третий, второй этаж, налево, — сказал мне сержант, сопровождавший группу новоприбывших.

Я поднялся по лестнице, нашёл нужную дверь, толкнул. Кубрик — небольшая комната на четыре койки. Две двухъярусные кровати, тумбочки, шкаф для формы, стол у окна. На одной из нижних коек уже сидел парень — смуглый, черноволосый, с живыми карими глазами. Он поднял на меня взгляд и широко улыбнулся:

— О, ещё один! Заходи, братан, располагайся. Я Давид. Давид Габуня. Из Сочи.

— Максим. Воеводин. Из Ставрополя, — я пожал протянутую руку, чувствуя крепкое пожатие.

— Ставрополе? — глаза Давида загорелись. — О, знаю, знаю. У меня там друзья есть, в Ставрополе и в Пятигорске. Хорошие ребята, каратисты. Мы на сборах пересекались. Степь у вас там, ковыль. Красиво, но жарко летом — как у нас в Сочи, только без моря.

— До моря тысяча километров, — кивнул я.

— Тысяча километров до моря, а ты в моряки пошёл? — Давид расхохотался. — Ну ты даёшь, братан. У меня море под окнами всю жизнь, а я вообще в моряки не собирался.

— А куда собирался?

Давид помрачнел на секунду, потом махнул рукой:

— В сухопутное училище. В Москву хотел. В общевойсковое. Я же каратист, жёлтый пояс, с детства в додзё. Думал — пехота, десант, всё такое. Готовился, экзамены сдавал. Историю, русский, общагу. А они, — он скривился, — не взяли. Конкурс, блин. Баллов не хватило. А в ЧВВМУ документы принимали позже, вот батя и сказал: «Давай в моряки, сынок. Море — оно тоже круто. И форма белая».

— И как, поступил?

— Да какое там, — Давид снова махнул рукой. — Я же физику не сдавал. Вообще. У нас в школе её еле-еле преподавали, а я всё на каратэ да на историю налегал. В ЧВВМУ физика нужна для высшего. Короче, завалил я её. Вообще в ноль. Так что мне тоже только СПО светит. Техник-ракетчик, как и ты.

Он улыбнулся, но в глазах мелькнуло что-то горькое.

— А ты чего, тоже на ракетчика?

— Тоже, — кивнул я. — Хотел на высшее, но математику профильную завалил. Два раза. Базу на пять сдал, а профиль — нет.

— Значит, вместе будем ракеты таскать, — подмигнул Давид. — Два сапога — пара. Ставрополье плюс Сочи — ударная сила флота...

— А со здоровьем как? — спросил я, вспоминая бесконечные кабинеты военно-врачебной комиссии. — Каратэ — это хорошо, но комиссия зверская.

Давид отвёл глаза, понизил голос:

— Слушай, братан, только между нами. У меня с поджелудочной проблемы. Хронический панкреатит. По-хорошему, с таким диагнозом в военное училище не берут. Но батя у меня — человек со связями. В Сочи всех знает. Короче, закрыли глаза. Сказали: «Главное — чтобы цель была достигнута». А цель у меня теперь одна — флот. Раз в пехоту не взяли, значит, судьба в море идти.

Он посмотрел на меня серьёзно, без обычной улыбки:

— Ты только не говори никому, ладно? Я на комиссии всё скрыл, бумаги нужные есть. Но если всплывёт — могут отчислить.

— Не скажу, — пообещал я. — У каждого свой груз.

— Вот именно, — Давид снова улыбнулся, но уже мягче. — У тебя дед, у меня — поджелудочная. Но мы ж ракетчики. Прорвёмся.

— Я деду обещал, — сказал я, ставя чемодан у своей койки. — Он хотел увидеть меня в белой морской форме. Не дожил. Но я обещал.

Давид перестал улыбаться. Посмотрел на меня серьёзно:

— Это по-мужски. Обещания надо держать. У меня дед тоже... воевал. В Абхазии. Я вообще-то из-за него в военные и пошёл. Ну, и каратэ — это путь воина. Не получилось в пехоту — пойду в моряки. Тоже путь.

— Каратэ — это серьёзно, — уважительно кивнул я. — Жёлтый пояс — уже не новичок.

— Да какой там, — отмахнулся Давид. — Жёлтый — это только начало. Но база есть. Стойка, удары, дыхание. На физподготовке пригодится. А ты, говоришь, боксёр?

— Второй разряд. И футбол, за край играл.

— Ого! — глаза Давида загорелись. — Ну, тогда мы с тобой сила. Каратэ плюс бокс. Ракетчики — ударная мощь флота!

Мы рассмеялись. Так, за разговором, и подружились. Два парня с разбитыми мечтами о высшем образовании, но с одной целью — море, белая форма и ракетное оружие.

К вечеру в наш кубрик заселились ещё двое — Лёня из Новороссийска, невысокий, крепкий, молчаливый парень с руками, привыкшими к тяжёлой работе (он поступал на техника-электрика), и Андрей из Симферополя, худой, очкастый, похожий на отличника (шёл на высшее, связь). Так сложился наш маленький экипаж.

Июль пролетел как один длинный, жаркий, выматывающий день.

Началось с военно-врачебной комиссии. Нас, человек двести абитуриентов, выстроили в длинную очередь и гоняли по кабинетам. Хирург, терапевт, окулист, лор, невропатолог, психиатр, стоматолог. Меряли, взвешивали, слушали, смотрели, крутили, вертели. Кого-то отсеивали сразу — плоскостопие не той степени, зрение слабое, давление скачет. Ребята уходили с понурыми лицами, волоча за собой чемоданы. Я смотрел им вслед и каждый раз вздрагивал: а вдруг и у меня что-то найдут?

Но Бог миловал. Врачи только качали головами: «Здоров как бык. Спортсмен?» — «Так точно, бокс, футбол». — «Видно. Годен».

Давид проходил комиссию нервно. Я видел, как он бледнел перед каждым кабинетом, как сжимал кулаки. Но бумаги, видимо, были в порядке — связи бати сделали своё дело. Врачи хмурились, что-то переспрашивали, но в итоге ставили «годен». Когда Давид вышел из последнего кабинета, он выдохнул так, будто пробежал марафон.

— Всё, братан. Прошёл. Теперь главное — чтобы приказ был.

Лёня и Андрей тоже прошли без проблем. Наш кубрик держался.

Потом был профессионально-психологический отбор. Вот это было испытание. Нас завели в большой класс, усадили за парты и выдали кипу тестов. Часы тикали, мы заполняли бланки, отвечали на сотни вопросов. Логические задачи, пространственное мышление, реак-

ция, память, внимание, психологическая устойчивость. Я сидел, обливаясь потом, и вгрызался в задания, как в спарринге на ринге. Бокс научил меня концентрации — я отключился от всего вокруг и просто решал. Один за другим.

Через несколько дней вывесили результаты. Я набрал высший балл в нашей группе.

— Ну ты даёшь, Воевода, — хлопнул меня по плечу Давид. — Боксёр, футболист, и ещё мозги варят. Универсал. Ракетчику мозги нужны, так что всё правильно.

— А ты как? — спросил я.

— Средненько, — поморщился Давид. — Но проходной набрал. Каратэ мозги не так качает, как бокс. Но ничего, прорвёмся.

Физподготовка была моей стихией. Бег на три километра, подтягивания, отжимания, челночный бег, плавание. Я выложился по полной. Бокс дал мне выносливость и силу, футбол — скорость и дыхалку. На кроссе я пришёл в первой пятёрке. Подтянулся двадцать два раза — больше всех в группе. Отжался столько, что принимающий нормативы старшина только крикнул: «Хорош, Воеводин, хватит, а то переломаетесь. Ракетчику сила тоже нужна — железо таскать».

Давид на физподготовке показал себя неплохо — каратэйская база давала о себе знать. Он был гибким, координированным, хорошо держал равновесие. На кроссе, правда, сдал — дыхалки не хватило, но на проходной балл набежал.

— Поджелудочная, — шепнул он мне после финиша, тяжело дыша. — Слабость от неё. Но я справлюсь.

Лёня оказался неожиданно сильным в силовых упражнениях — крестьянская закалка. Андрей, отличник, пыхтел, но тоже справлялся.

Вечерами, после всех сдач и нормативов, нас отпускали в город. До 22:00. И это было счастье.

Севастополь открывался нам постепенно, как старинная книга. Мы с Давидом, Лёней и Андреем бродили по набережной, вдыхая солёный воздух, смотрели на корабли в бухте, на закат над морем. Заходили в маленькие кафешки, пили квас, ели чебуреки. Говорили о будущем, о службе, о море, о ракетах.

— Вот увидишь, Воевода, — говорил Давид, глядя на огни кораблей в бухте, — через три года мы с тобой уже на палубе стоять будем. Оба ракетчика. В белой форме. И ты своему деду — вот с этого самого места — салют отдашь. Он увидит.

— А ты? — спросил я. — Ты чего хочешь?

Давид помолчал, глядя на воду:

— Я хочу доказать, что не зря батя за меня просил. Что не зря связи включал. Что я не просто так место занял. Понимаешь? У меня поджелудочная болит каждый день почти. Но я

терплю. Потому что если я сейчас сломаюсь — всё зря. И пехота зря не взяла, и море зря. Я должен стать офицером. Ну, или мичманом. Неважно. Главное — в строю.

— Станешь, — сказал я. — Мы оба станем.

— Ракетный салют, — усмехнулся Давид. — Твоему деду и моему батю. Пусть видят, что не зря.

Мы возвращались в казарму за десять минут до отбоя, уставшие, но счастливые. Засыпали мгновенно, под шум ветра за окном и далёкие гудки кораблей в бухте. А утром снова подъём, построение, комиссии, нормативы. Июль катился к концу, жара стояла невыносимая, но мы держались. Мы ждали приказа.

Приказ из Министерства обороны о зачислении — это была та самая бумага, которая решала всё. Кого-то могли отсеять в последний момент. Конкурс, баллы, разрядка. Мы жили в подвешенном состоянии, каждый день проверяя списки на стенде у приёмной комиссии.

— Ну что, Воевода, — спросил меня как-то вечером Давид, когда мы сидели на подоконнике в коридоре казармы, глядя на закат, — боишься?

— Боюсь, — честно признался я. — Дед ждёт. Я обещал. И ракетчиком хочу стать. Очень.

— Я тоже боюсь, — тихо сказал Давид. — Вдруг приказа не будет? Вдруг из-за поджелудочной всплывёт? Или из-за физики? Я же её вообще не знаю. А вдруг?

— Не бойсь, братан, — я повторил его же слова. — Прорвёмся. У тебя каратэ, у меня бокс. Мы бойцы.

Давид улыбнулся, но в глазах всё равно стояла тревога. Я достал из кармана фотографию деда и бабушки, поставил на подоконник перед нами. Дед смотрел строго, но с хитринкой. Бабушка — мягко, с любовью.

— Смотри, Давид, — сказал я. — Это мой дед Егор. И бабушка Вера. Я им обещал. И ты себе пообещай. Что бы ни случилось — идти до конца.

Давид долго смотрел на фотографию. Потом кивнул:

— Обещаю. Прорвёмся, Воевода. Вместе.

За окном шумело море. Чайки кричали над бухтой. Солнце садилось за горизонт, окрашивая воду в золото и пурпур. И где-то там, в московских кабинетах, решалась наша судьба.

Июль заканчивался. Приказ обещали со дня на день. Мы ждали. Два ракетчика из кубрика номер двадцать три. Боксёр из ставропольской степи и каратист из Сочи. Два бойца. Одна мечта на двоих.